

**ГЕНЕРАЛ А. Н. ГРИШИН-АЛМАЗОВ: КРУШЕНИЕ КАРЬЕРЫ
(КОНЕЦ АВГУСТА – СЕНТЯБРЬ 1918 ГОДА) ***

В статье рассматривается конфликт в высшем эшелоне административно-политической элиты Сибири, приведший к увольнению с постов управляющего военным министерством Временного Сибирского правительства и командующего Сибирской армией генерал-майора А. Н. Гришина-Алмазова.

Ключевые слова: Временное Сибирское правительство, Совет министров, инцидент, конфликт, кризис, увольнение.

Указом Временного Сибирского правительства от 5 сентября 1918 г. управляющий военным министерством и командующий Сибирской армией генерал-майор Алексей Николаевич Гришин-Алмазов был неожиданно уволен с занимаемых им должностей. Этот факт нашел широкое отражение в источниках и хорошо известен историкам. Но имеется только одна публикация Н. С. Ларькова почти пятнадцатилетней давности, в которой была предпринята попытка специально проанализировать вопросы о причинах, обстоятельствах и последствиях увольнения А. Н. Гришина-Алмазова.

Снятие А. Н. Гришина-Алмазова с высших военных постов Н. С. Ларьков оценил как составную часть «более широкого и глубокого кризиса власти, потрясшего “белую” Сибирь осенью 1918 года». Причины этого кризиса Н. С. Ларьков видел в совокупности новых факторов, возникших на востоке России к концу лета 1918 г.: в новой военно-политической обстановке, сопряженной «с необходимостью решения новых задач противоборствующими силами, причем в условиях обострившихся противоречий в антисоветском лагере и усилившихся личных амбиций молодых честолюбивых

политиков и военных деятелей» [1997. С. 55].

Эта оценка в принципе верна, но не совсем полна и имеет слишком общий характер. В ней не достаёт учета ряда конкретных обстоятельств, а также анализа взаимоотношений на межличностном уровне, без учета которых верно понять и интерпретировать происходившие события едва ли можно. В настоящей статье ставится задача восполнить указанный пробел.

Напомним, что в лагере сибирской контрреволюции с 14 июня 1918 г. А. Н. Гришин-Алмазов занимал две главные военные должности: возглавлял военное ведомство и командовал Сибирской армией. Благодаря сосредоточению в своих руках высшей военной власти он изначально являлся самой влиятельной фигурой среди управляющих ведомствами Временного Сибирского правительства. На протяжении лета 1918 г. реальное влияние А. Н. Гришина-Алмазова в структурах государственной власти неуклонно возрастало. К осени 1918 г. он превратился в крупную политическую величину, по своему весу уступавшую только министрам Временного Сибирского правительства, да и то не всем. Достаточно ска-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного контракта № ПЗ64 «Адаптация населения Сибири к политическим системам и режимам Российского государства в XVII–XX вв.: новые источники, проблемы и результаты исследований» (шифр «НК-580П»).

зять о том, что в середине июля в составе сибирской делегации генерал участвовал в челябинском совещании, посвященном организации всероссийской государственной власти, и в екатеринбургском совещании в начале августа, обсуждавшем вопрос о создании Временного областного правительства Урала [Шишкин, 2009. С. 163–169, 175–176].

В немалой степени рост влияния А. Н. Гришина-Алмазова определялся тем, что до середины августа 1918 г. у него были хорошие отношения с большинством министров и управляющих ведомствами Временного Сибирского правительства. Исключение составляли только четыре человека: министр юстиции народный социалист Г. Б. Патушинский, министр туземных дел эсер М. Б. Шатилов, товарищ министра внутренних дел эсер П. Я. Михайлов, который 7 августа ушел в отставку, и товарищ министра иностранных дел М. П. Головачев. Председатель Совета министров П. В. Вологодский, министр внутренних дел В. М. Крутовский и министр снабжения И. И. Серебренников генералу явно симпатизировали. Дружеские отношения у него установились с управляющим делами Совета министров Г. К. Гинсом, а с влиятельным министром финансов И. А. Михайловым у них в середине июля образовался политический тандем.

Отношение части коллег по правительству к А. Н. Гришину-Алмазову явно изменилось после его выступления 15 августа 1918 г. в Томске на заседании Сибирской областной думы. В своей речи генерал заявил о несвоевременности для России народовластия и о необходимости для формирования сильной армии создать твердую государственную власть [Там же. С. 184–185]. Тем самым управляющий военным ведомством прямо вмешался в политическую сферу, хотя постоянно утверждал, что Сибирская армия стоит вне политики, открыто заявил о своем полном разрыве по вопросу о власти с позицией эсеров и о переходе на сторону государственно мыслящих политиков, разделявших платформу партии кадетов.

Последнее обстоятельство, однако, никак не сказалось на формальном положении самого А. Н. Гришина-Алмазова в составе Временного Сибирского правительства. Правда, совершенно непонятным является

отсутствие генерала на трех заседаниях Совета министров, состоявшихся 16, 17 и 19 августа в Томске [Временное Сибирское..., 2007. С. 279–281]. Тем не менее, из Томска в Омск генерал возвратился в составе правительственной делегации, участвовавшей в заседании Сибирской областной думы, вместе с П. В. Вологодским, Г. Б. Патушинским, М. Б. Шатиловым, Г. К. Гинсом, управляющим министерством торговли и промышленности П. П. Гудковым, товарищами министра внутренних дел А. А. Грациановым и С. С. Старынкевичем, товарищем министра иностранных дел М. П. Головачевым¹.

В период с двадцать второго по двадцать пятое августа А. Н. Гришин-Алмазов вместе с И. А. Михайловым уже участвовал в работе второго челябинского государственного совещания². Во время отсутствия генерала в Омске Совет министров по представлению военного министерства принял два важных нормативных акта. Они лежали в русле высказанных в речи А. Н. Гришина-Алмазова пожеланий о необходимости создания для армии благоприятной политической обстановки и твердой государственной власти. Это были постановления «Об устранении армии от участия в политической деятельности» и «Об учреждении особых прифронтовых военно-полевых судов» [Там же. С. 290–294].

Упрочению позиций А. Н. Гришина-Алмазова в правительстве способствовали военные успехи Сибирской армии, а также долго подготавливавшаяся военным министерством и 25 августа начавшаяся мобилизация двух годов военнообязанных. На состоявшемся 27 августа заседании Совета министров генерал выразил чувство глубокого удовлетворения тем, как она проходила. Он заявил, что, по сведениям местных органов военного управления, мобилизация осуществляется «в большом порядке, как не происходила даже при царском режиме». Это утверждение было широко тиражировано на страницах правительственной, официальной и официозной печати³. Оно стало

¹ Голос народа (Томск). 1918. 21 авг.

² Вестник комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 26 авг.; [Вологодский, 2006. С. 76].

³ См., например: Сиб. вестник (Омск). 1918. 30 авг.; Сиб. речь (Омск). 1918. 31 авг.; Воля Сибири (Красноярск). 1918. 7 сент.

еще одним аргументом в пользу компетентности А. Н. Гришина-Алмазова как военного специалиста и добавило ему известности в широких общественных кругах.

Тогда же постановлением Совета министров А. Н. Гришин-Алмазов был включен в состав сибирской делегации для участия в работе Государственного совещания в Уфе. Причем в ходе этого заседания Совета министров впервые в практике работы Временного Сибирского правительства управляющий ведомством по сути дела открыто выступил против министра. Во время обсуждения вопроса о составе делегации между генералом и Г. Б. Патушинским возникла острая перепалка, спровоцировал которую первый, предложив считать министра юстиции членом делегации на Уфимское государственное совещание условно [Там же. С. 301–302].

Позиция и поведение А. Н. Гришина-Алмазова находили одобрение и поддержку у части «правых» политических кругов, которые особенно активизировались после приезда в Омск бывшего депутата IV Государственной думы, члена ЦК партии кадетов В. Н. Пепеляева. Коллеги Алексея Николаевича по правительству заметили, что его манера поведения стала более жесткой, а тон речей – более властным. А. Н. Гришин-Алмазов начал делать бравадирующие заявления о том, что за ним стоит реальная сила в лице Сибирской армии. Даже симпатизировавший генералу И. И. Серебренников был вынужден признать, что в Совете министров «за последнее время различного рода выходки командарма, его склонность ставить вопросы ультимативно стали также вносить некоторое раздражение» [Серебренников, 2008. С. 481]. У ряда гражданских политиков возникло подозрение в том, что генерал готовит государственный переворот и намеревается установить свою диктатуру [Шишкин, 2009. С. 183–185, 189–190].

Следует отметить, что впервые такие подозрения зародились еще до выступления А. Н. Гришина-Алмазова в Сибирской областной думе. Первым, кто их высказал, был П. Я. Михайлов – его ближайший сподвижник по работе в антибольшевистском подполье, в Западно-Сибирском комиссариате и во Временном Сибирском правительстве, неплохо знавший генерала и долгое время ему симпатизировавший. Будучи товарищем министра внутренних дел, он располагал

разносторонней информацией от верных ему людей в армии и в военном ведомстве. Тридцатого июля П. Я. Михайлов впервые поделился своими соображениями относительно А. Н. Гришина-Алмазова с П. В. Вологодским. Как записал в своем дневнике премьер-министр, сообщение П. Я. Михайлова он сначала принял «за бред потерявшего душевное равновесие человека, чрезвычайно много трудившегося, много пережившего и пострадавшего, истинного мученика за благо народа» [Вологодский, 2006. С. 69]⁴.

В то же время информация П. Я. Михайлова посеяла в душе П. В. Вологодского некоторые сомнения. Премьер-министра явно раздирали противоречия. С одной стороны, он не хотел верить в «козни» неоднократно клявшегося ему в верности генерала; с другой – был вынужден признать самому себе в том, что «по типу своему» А. Н. Гришин-Алмазов – Наполеон Бонапарт. В результате П. В. Вологодский для себя решил, что «еще рано появляться Наполеонам на сибирском горизонте», а для предотвращения неблагоприятного развития событий посчитал нужным, никому не говоря о сообщении П. Я. Михайлова, за генералом «последить» [Там же].

Во время пребывания правительственной делегации в Томске свои подозрения насчет А. Н. Гришина-Алмазова П. В. Вологодскому высказали уже трое бывших членов Западно-Сибирского комиссариата и уполномоченных Временного Сибирского правительства: эсеры М. Я. Линдберг, П. Я. Михайлов и В. О. Сидоров. Двадцатого августа они заявили, что генерал «стремится взять в руки Совет м[инистров] и руководить его политикой». В таком развитии событий визитеры видели «опасность перехода власти к военной диктатуре».

По итогам этой встречи П. В. Вологодский записал в своем дневнике: «Признаюсь, такое упорное предостережение против Гришина-Алмазова начинает меня смущать. Постараюсь быть против него начеку, что я и обещал уполномоченным» [Там же. С. 74].

Не откладывая дело в «долгий ящик», вечером того же дня П. В. Вологодский со-

⁴ Такая оценка во многом базировалась на знании П. В. Вологодским тяжелой ситуации в семье П. Я. Михайлова: его тяжело больная жена только что перенесла сложнейшую операцию.

ставил с управляющим военным ведомством разговор по проблеме, которая позволяла хотя бы частично дополнительно выяснить политические настроения и взгляды А. Н. Гришина-Алмазова. В связи с перспективой завершения разгрома большевиков в Забайкалье и установления сообщения с Дальним Востоком резко актуализировался вопрос об отношении к существовавшим там правительствам П. Я. Дербера – И. А. Лаврова и генерала Д. Л. Хорвата, которые враждовали. Он перемещался в практическую плоскость, когда предстояло сделать верный выбор из двух конкурентов. Омский Совет министров рассматривал прозеровское правительство П. Я. Дербера – И. А. Лаврова как свою дальневосточную фракцию. Что же касается правительства Д. Л. Хорвата, то выработка отношения к нему затруднялась скудностью объективной информации.

Из телеграммы, поступившей с Дальнего Востока от бывшего депутата Государственной думы от Енисейской губернии кадета С. С. Востротина, П. В. Вологодский знал, что Д. Л. Хорват провозгласил себя Временным правителем России и образовал собственное правительство – так называемый Деловой кабинет, во главе которого встал С. С. Востротин. Более того, в телеграмме С. С. Востротина наряду с информацией о дальневосточных событиях содержалось предложение П. В. Вологодскому и его соратникам по Совету министров войти в состав Делового кабинета⁵. Во время разговора с А. Н. Гришиным-Алмазовым премьер-министр поинтересовался отношением генерала к правительству Д. Л. Хорвата. Судя по всему, позиция управляющего военным ведомством его вполне удовлетворила. Во всяком случае, в дневнике П. В. Вологодского появилась такая запись: «Никаких задних целей у Гришина-Алмазова в его готовности идти навстречу правительству Хорвата я не усмотрел» [Там же].

К тому же на следующий день во время возвращения в Омск А. Н. Гришин-Алмазов сделал грамотный тактический ход. Он передал П. В. Вологодскому копию телеграммы, за день до того полученной редактором томской газеты «Сибирская жизнь» А. В. Адриановым от другого члена Делового кабинета – барнаульского журналиста

и общественного деятеля М. О. Курского, областника по своим взглядам. Телеграмма была пространная и сумбурная. В ней М. О. Курский крайне негативно характеризовал правительство П. Я. Дербера и, напротив, восхвалял Деловой кабинет Д. Л. Хорвата, утверждая, что последний пользуется поддержкой широких слоев дальневосточного населения и даже имеет собственные вооруженные силы численностью до 10 тыс. человек⁶. Недомогавший В. П. Вологодский из содержания показанного ему А. Н. Гришиным-Алмазовым текста телеграммы М. О. Курского уловил только одно: ему и В. М. Крутовскому, как видным областникам, предлагают вступить в состав правительства Д. Л. Хорвата [Там же]. Похоже, тем самым А. Н. Гришин-Алмазов смог отвести от себя подозрения со стороны премьер-министра в симпатиях к главному конкуренту Временного Сибирского правительства на Дальнем Востоке – Деловому кабинету Д. Л. Хорвата.

В принципе позиция Временного Сибирского правительства по вопросу об отношении к другим областным правительствам не составляла секрета. Она была предельно четко выражена в его постановлении от 2 сентября 1918 г., которое через день было опубликовано в официальном органе правительства – газете «Сибирский вестник». В этом постановлении говорилось, что Временное Сибирское правительство, «стоящее на страже интересов государственности, почитает своим долгом заявить, что оно готово вступить со всеми правительствами, образовавшимися на Западе и Востоке, в немедленные сношения, питая прочную уверенность, что эти сношения создадут мощную и твердую единую Всероссийскую власть и укрепят строение областей возрождающейся державы Российской»⁷.

Необходимо отметить, что примерно с середины августа 1918 г. сторонники Д. Л. Хорвата, предвидя предстоявшую вскоре встречу Временного Сибирского правительства с дальневосточниками, развернули широкую кампанию по дискредитации правительства П. Я. Дербера – И. А. Лаврова в глазах сибирской общественности и одновременно пытались убедить

⁵ ГАРФ. Ф.Р-176. Оп. 3. Д. 12. Л. 14–16.

⁶ Текст телеграммы см.: ГАРФ. Ф.Р-176. Оп. 3. Д. 7. Л. 73; РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; Сиб. жизнь (Томск). 1918, 27 авг.

⁷ Сиб. вестник. 1918. 4 сент.

ее в «основательности» правительства само-го Д. Л. Хорвата. С этой целью С. С. Востротин, члены возглавляемого им Делового кабинета М. О. Курский, А. М. Окороков и В. Е. Флуг направили телеграммы, содержавшие соответствующую информацию, руководителям кооперации и других общественных структур, видным военным, персонально Г. Н. Потанину и редактору «Сибирской жизни» А. В. Адрианову. Затем эти телеграммы публиковались на страницах местных газет от Кургана на западе и до Иркутска на востоке⁸ и становились достоянием широкой общественности.

Усилия хорватовцев не пропали бесследно. В Сибири у Д. Л. Хорвата нашлись надежные сторонники, наиболее активным среди которых оказался А. В. Адрианов, с которым у А. Н. Гришина-Алмазова существовали доверительные отношения. А. В. Адрианов не только исправно печатал получаемые им из Харбина телеграммы в «Сибирской жизни», но и использовал их в своих статьях «К вопросу об организации власти» и «Дальневосточные правительства», в которых обнадеживал хорватовцев радужными перспективами сотрудничества с Временным Сибирским правительством⁹. В одной из телеграмм, отправленных Д. Л. Хорвату через российского консула В. В. Долбежева, А. В. Адрианов утверждал: «[...] Г. Н.] Потанин с друзьями приветствуют занятую им позицию, вполне уверенные, что необходимые перемены в личном составе образовавшегося единого сибирского правительства пройдут безболезненно»¹⁰. Публикации А. В. Адрианова нередко перепечатывали другие сибирские газеты.

Однако главным и самым влиятельным сторонником Д. Л. Хорвата в Сибири был отнюдь не журналист А. В. Адрианов, а

управляющий одного из ведомств Временного Сибирского правительства. Им являлся никто иной, как генерал А. Н. Гришин-Алмазов. Ни П. В. Вологодский, ни его ближайшее окружение не подозревали, что к тому времени по инициативе А. Н. Гришина-Алмазова работа по установлению связи между ним и Д. Л. Хорватом с его Деловым кабинетом уже шла полным ходом. Одиннадцатого августа управляющий военным ведомством Временного Сибирского правительства лично поручил помощнику командующего Восточно-Сибирским военным округом подпоручику Н. С. Калашникову от имени генерала вступить в переговоры с Д. Л. Хорватом¹¹. Решение этой задачи облегчалось тем, что главой военного ведомства Делового кабинета являлся генерал от инфантерии В. Е. Флуг, с которым А. Н. Гришин-Алмазов был лично знаком с весны 1918 г., когда В. Е. Флуг во время нелегальной командировки по Сибири налаживал связи с антисоветским подпольем.

О причинах, которые побудили А. Н. Гришина-Алмазова за спиной Временного Сибирского правительства установить контакты с Д. Л. Хорватом, можно только догадываться. Скорее всего, управляющий военным ведомством считал генерала Д. Л. Хорвата более подходящим на роль главы правительства, чем бывшего присяжного поверенного П. В. Вологодского, которого он называл человеком безвольным и бесцветным¹². Кроме того, А. Н. Гришин-Алмазов явно опасался за свое место в структурах власти в случае слияния омской и дальневосточной фракций Временного Сибирского правительства, поскольку оно привело бы к усилению влияния эсеров, с которыми генерал порвал.

Со своей стороны Д. Л. Хорват также прилагал усилия по установлению контакта с А. Н. Гришиным-Алмазовым, видимо, рассчитывая использовать его как агента влияния во Временном Сибирском правительстве. Эти усилия довольно быстро увенчались успехом. Двадцать второго августа А. Н. Гришин-Алмазов получил телеграмму В. Е. Флуга, переданную через Кобдо по дипломатическим каналам. В ней В. Е. Флуг сообщил управляющему сибир-

⁸ См., например: Земля и труд (Курган). 1918. 27 авг.; Сибирь (Иркутск). 1918. 27 авг.

⁹ Сиб. жизнь. 1918. 27 авг. и 4 сент. Статья А. В. Адрианова «К вопросу об организации власти» была перепечатана или дана в подробном изложении несколькими крупными сибирскими газетами (см., например: «Свободный край» (Иркутск). 1918. 3 сент.; Сиб. речь. 1918. 3 сент.; Сиб. курьер (Иркутск). 1918. 4 сент.).

¹⁰ Вестник Маньчжурии (Харбин). 1918. 24 сент. А. В. Адрианов в присущей ему манере приврал. В действительности Г. Н. Потанин только возражал против использования его имени правительством П. Я. Дербера, но ни словом не обмолвился о поддержке правительства Д. Л. Хорвата (см.: Сиб. жизнь. 1918. 27 авг.).

¹¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

¹² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

ским военным ведомством об организации Д. Л. Хорватом государственной власти на Дальнем Востоке, в состав которой вошли «объединившиеся на деловой беспартийной программе общественные деятели Сибири [и] европейской России, в том числе возглавляемая мной миссия». В. Е. Флуг утверждал, что по мере освобождения от большевиков новой территории в состав правительства Д. Л. Хорвата «будут привлечены и другие, пользующиеся доверием лица».

Первоочередной задачей Делового кабинета В. Е. Флуг назвал восстановление былой мощи России «на основах строгой дисциплины [и] непричастности армии к политике», а назначение вооруженных сил Сибири определил так: быть «прежде всего кадром для дальнейших формирований». Как лицо, возглавлявшее в правительстве Д. Л. Хорвата военное ведомство, В. Е. Флуг выразил надежду на сотрудничество с А. Н. Гришиным-Алмазовым и попросил его незамедлительно дать ответ¹³.

А. Н. Гришин-Алмазов, находившийся в это время на втором челябинском государственном совещании, не заставил себя долго ждать. В тот же день через командира Средне-Сибирского корпуса полковника А. Н. Пепеляева, пользовавшегося у него политическим доверием и в штаб которого в Читу к тому времени уже прибыл подпоручик С. Н. Калашников, а также по дипломатическим каналам через Кобдо он отправил В. Е. Флугу ответную телеграмму. В ней говорилось: «Я и вверенные мне войска Сибирской армии всегда готовы служить делу возрождения России. Не сомневаюсь, что Временное Сибирское правительство [...] встретится дружелюбно с генералом Хорватом с тем, чтобы придти к общему соглашению на благо нашей родины».

Заканчивалась телеграмма А. Н. Гришина-Алмазова такими словами: «Да поможет нам Бог соединиться возможно скорее и идти продолжать великое дело воссоздания единой и неразделенной России»¹⁴. Весьма показательным, что посвященный в переписку

А. Н. Гришина-Алмазова с дальневосточниками Н. С. Калашников оценил ее содержание так: «Ваша телеграмма Хорвату понимается как признание правительства Хорвата»¹⁵.

Весьма похоже, что в преддверии открытия Уфимского государственного совещания и встречи Временного Сибирского правительства с его дальневосточными конкурентами «правые» силы в Сибири решили активизировать свои действия. Судя по всему, целей было несколько: на западе – если не торпедировать Государственное совещание в Уфе, то, как минимум, добиться создания безответственной директории (другими словами, коллективной диктатуры), на востоке – не допустить объединения омской и владивостокской фракций Временного Сибирского правительства, во-первых; в том или ином виде сохранить политические позиции Д. Л. Хорвата, во-вторых.

Во всяком случае 30 августа из Омска по правительственному телеграфу через Кобдо (консул А. П. Хионин) и Пекин (посол Н. А. Кудашев) генералу В. Е. Флугу была передана пространная телеграмма за подписями двух частных лиц: Н. Б. Двинаренко и Д. С. Каргалова, входивших в руководящий состав Омского отдела Союза возрождения России. В телеграмме В. Е. Флуг ставился в известность о ключевых событиях на востоке России и об отношении к ним различных общественно-политических кругов.

Авторы телеграммы утверждали, что по вопросу о принципах организации будущей общероссийской власти существует два основных течения: одно – сторонников Учредительного собрания, второе – государственно мыслящих политиков, между которыми «лежит глубокая пропасть». Завершившееся 25 августа второе челябинское совещание, сообщали они, «пытавшееся примирит[ь] эти два течения, оказалось безрезультатным. Тепер[ь] оно перенесено [в] Уфу на первое сентября, но можно [с] уверенностью утверждать, [что оно] закончится также безрезультатно, возможно даже – формальным разрывом».

Сторонники твердой российской государственности, говорилось в телеграмме, «мыслят будущую власть только на принципах диктатуры», но пока не выяснено окончательно какой: коллективной или еди-

¹³ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1 Д. 30. Л. 10. Судя по всему, 23 августа 1918 г. эта телеграмма В. Е. Флуга была получена в Иркутске и напечатана в газете «Известия отряда чешско-словацких войск», а затем перепечатана в других иркутских газетах.

¹⁴ Сиб. реч. 1918. 3 сент.; Вестник Маньчжурии. 1918. 14 сент.

¹⁵ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 30. Л. 14.

ноличной. Что касается правительства Д. Л. Хорвата, то, по мнению авторов телеграммы, «оно встречает единодушное одобрение всех государственно мыслящих кругов до правосоциалистического блока включительно. Можно полагат[ь, что] Западно-Сибирское правительство¹⁶ пойдет навстречу Хорвату. Дерберовское правительство не встречает абсолютно ни [в] каких кругах сочувствия, признания не получает»¹⁷.

Еще более жесткую позицию по вопросу о будущей власти на востоке России заняли кадеты. Первого сентября в издававшейся ими в Омске газете «Сибирская речь» появились две примечательные статьи: редакционная, посвященная Уфимскому государственному совещанию, и В. Н. Пепеляева, называвшаяся «Предстоящая встреча».

В первой из них, которая скорее всего была написана лидером омских кадетов присяжным поверенным В. А. Жардецким, ясно и четко формулировалась позиция партии кадетов по вопросу о характере верховной власти, которую предстояло сформировать на освобожденной от большевиков территории. В ней утверждалось, что победить большевиков, вернуть захваченные немцами территории и восстановить российское могущество может только власть, «облеченная чрезвычайными полномочиями, другими словами – диктатура». Что касается Уфимского совещания, то газета высказала скептический прогноз относительно возможности формирования им такой формы государственной власти.

Во второй статье обсуждался вопрос о том, как должны повести себя Временное Сибирское правительство и Деловой кабинет Д. Л. Хорвата после того, как будет ликвидирована советская власть в Забайкалье. В. Н. Пепеляев категорически потребовал от обоих правительств «встретиться с полной готовностью объединить свои усилия по созданию Всероссийской власти». Тем самым все остальные антибольшевистские правительства, существовавшие на востоке России, совершенно игнорировались, не брались в расчет как участники политического процесса государственного строительства.

¹⁶ Так в тексте; правильно – «Временное Сибирское правительство».

¹⁷ ГАРФ. Ф.Р-176. Оп. 3. Д. 7. Л. 85–86.

Через день «Сибирская речь» пошла еще дальше. Она опубликовала телеграфную переписку А. Н. Гришина-Алмазова и В. Е. Флуга двухнедельной давности, имевшую конфиденциальный характер. В принципе такой «ход» со стороны кадетов можно было расценить как подготовку ими общественного мнения к тому, что на политической авансцене произойдет замена гражданских деятелей военными.

Но и это было еще далеко не все. Если А. В. Адрианов, пороча правительство П. Я. Дербера – И. А. Лаврова и восхваляя Деловой кабинет Д. Л. Хорвата, в целом высоко отзывался о Временном Сибирском правительстве и высказывал пожелание, чтобы оно «оставалось у власти и продолжало свою работу без помехи»¹⁸, то кадетский орган печати занял принципиально иную позицию. В редакционной статье «Необходимое соединение» он назвал большинство министров Временного Сибирского правительства «отработанным» человеческим материалом, подлежащим замене. Четверо из шести членов Совета министров – П. В. Вологодский, В. М. Крутовский, Г. Б. Патушинский и М. Б. Шатилов – были пофамильно названы кандидатами на уход в отставку, поскольку, как издевательски писала о них «Сибирская речь», они переутомились и нуждаются в заслуженном отдыхе¹⁹.

Иную судьбу предрекал кадетский ордул управляющему военным министерством А. Н. Гришину-Алмазову. «Из телеграфной переписки [А. Н. Гришина-Алмазова и В. Е. Флуга,] – говорилось в редакционной статье «Сибирской речи», – мы легко убеждаемся, что между начальниками российских войск в Западной Сибири и лицом,

¹⁸ Сиб. жизнь. 1918. 27 авг.

¹⁹ Издававшаяся в Томске газета «Голос народа», являвшаяся органом Всесибирского краевого комитета партии эсеров, проанализировав материалы «Сибирской речи», забила тревогу. Она опубликовала редакционную статью «Антиправительственная работа», в которой утверждала: «Против Временного Сибирского правительства ведется кампания. Некоторые общественные группы, малочисленные и малозначительные, нагнетают с каждым днем, с каждым часом. Пропаганда идеи введения диктатуры [...] теперь принимает определенные конкретные формы. [...] Кадеты, почуяв какой-то свежий ветер, начинают кампанию против существующего Совета министров. [...] Они ведут антиправительственную работу. Они встали на путь *свержения власти*» (см.: Голос народа. 1918. 8 сент.).

уполномоченным строить армию на востоке России, нет разногласий [...]». Газета выражала уверенность, что Временное Сибирское правительство, избавившись от неугодных кадетам министров, «не отстанет от руководителя военных сил в нашем крае» и обеспечит приток в свой состав «новых сил, стоящих в уровне большой государственности»²⁰.

Однако кадеты явно поторопились. Утром 4 сентября в Омск возвратился председатель Совета министров Временного Сибирского правительства П. В. Вологодский. Он был досрочно отозван из отпуска для руководства правительственной делегацией, командированной на Дальний Восток для переговоров с П. Я. Дербером – И. А. Лавровым и Д. Л. Хорватом²¹. Но в Омске П. В. Вологодского ожидал неприятный сюрприз в виде телеграммы от иркутского союзного консульского корпуса о некорректном поведении А. Н. Гришина-Алмазова на банкете в Челябинске по случаю завершения второго государственного совещания.

Телеграмма, подписанная американским и французским генеральными консулами, китайским и японским консулами и британским вице-консулом, была получена министерством иностранных дел Временного Сибирского правительства 2 сентября 1918 г. через американское консульство, находившееся в Омске. В ней сообщалось, что «за обедом с вином генерал Алмазов заявил союзному консулу [Г. Престону²²], что Сибирь не нуждается в помощи союзни-

²⁰ Сиб. речь. 1918. 4 сент.

²¹ Н. С. Ларьков утверждал, что П. В. Вологодский досрочно вернулся из отпуска из-за телеграммы иркутского консульского корпуса. Это неверно. В действительности об инциденте с А. Н. Гришиным-Алмазовым П. В. Вологодский узнал только в Омске.

²² Престон Томас Хилдебранд (Preston Thomas Hildebrand) родился 2 июня 1886 г., сэр, 6-й баронет. Он получил прекрасное образование: окончив Вестминстерский колледж, продолжил обучение в Кембриджском университете (Англия), в Школе политических наук (Франция) и в Мюнхенском университете (Германия). Работал горным инженером на золотых приисках в Восточной Сибири. С 1913 г. находился на дипломатической службе: вице-консул, затем консул в Екатеринбурге; в 1929–1930 г. – консул в Каунасе, в 1930–1940 гг. – временный поверенный, в 1940–1941 гг. – посол в Литве; в 1941–1948 гг. – советник посольства в Египте. В 1934 г. был награжден орденом Британской империи. В 1950 г. в Лондоне опубликовал автобиографическую книгу «Перед занавесом». Скончался в 1976 г.

ков, но, наоборот, союзники нуждаются в Сибири, так как она – ключ к победе союзников, и что Сибирь не нуждается больше в чехах – они могут уходить». Консулы выражали уверенность, что «это мнение не разделяется Временным [Сибирским] правительством». Тем не менее, они сочли нужным «обратить внимание министра иностранных дел на серьезные последствия такого заявления, исходящего от члена Временного [Сибирского] правительства». Консулы высказали мнение, что «при таких обстоятельствах присутствие генерала Алмазова в кабинете [министров] может быть истолковано как акт недружелюбия в отношении союзников» и просили министерство иностранных дел дать возможно скорый ответ «до сообщения [ими] их правительствам об этом неприятном инциденте»²³ [Ларьков, 1997. С. 57].

Как и многие дипломатические документы, телеграмма иркутского консульского корпуса содержит только часть информации, необходимой для понимания заложенного в ней смысла. Правильная интерпретация этого текста возможна при условии его рассмотрения в соответствующем политическом и общественном контексте. Если следовать этому правилу, то нужно признать, что сделанное А. Н. Гришиным-Алмазовым заявление являлось не единственной и тем более – не решающей причиной, вызвавшей консульский демарш. Но сделан он был далеко не случайно. Дипломатические представители союзников и военнополитическое руководство Чехословацкого корпуса с тревогой наблюдали за ростом амбиций генерала, за его резким отходом от принципов народовластия и выдвижением требований «твердой власти», за перепиской между А. Н. Гришиным-Алмазовым и Д. Л. Хорватом, за расширением поддержки, которую генерал стал получать со стороны «правых» политических сил. Такая метаморфоза с А. Н. Гришиным-Алмазовым, включенным в состав делегации Временного Сибирского правительства для участия в Государственном совещании в Уфе, могла обернуться срывом усилий по созданию верховной российской власти, в чем союзники и чехословаки были не заинтересованы. Требовалось не допустить такого развития событий. Несвоевременное и категоричное

²³ ГАРФ. Ф.Р-200. Оп. 1. Д. 127. Л. 5.

заявление, сделанное нетрезвым А. Н. Гришиным-Алмазовым, оказалось как нельзя кстати. Тем более, что оно позволяло переложить решение проблемы устранения А. Н. Гришина-Алмазова на Временное Сибирское правительство.

Товарищ министра иностранных дел М. П. Головачев, который в отсутствие П. В. Вологодского исполнял обязанности управляющего внешнеполитическим ведомством, был вынужден на свой риск и страх срочно реагировать на демарш консульского корпуса союзников. На следующий день он подготовил ответную вербальную ноту, в которой говорилось, что сказанные А. Н. Гришиным-Алмазовым слова являются «собственным мнением генерала и ни в каком случае не соответствуют взгляду Временного Сибирского правительства, но, наоборот, резко ему противоречат». От имени МИДа М. П. Головачев заверил консульский корпус в том, что Временное Сибирское правительство «немедленно приступит к расследованию этого случая, после чего примет меры, которые покажут полную дружественность Временного Сибирского правительства по отношению к союзникам». Подлинник вербальной ноты М. П. Головачев немедленно лично вручил находившемуся в Омске вице-консулу Л. Ф. Грею Северо-Американских соединенных штатов, а содержание документа шифром, имевшимся в американском консульстве, было передано по телеграфу в Иркутск консульскому корпусу²⁴ [Ларьков, 1997. С. 57].

Сам же М. П. Головачев, хорошо понимавший значение союзников для антибольшевистской борьбы на востоке России, считал, что в создавшейся ситуации по отношению к А. Н. Гришину-Алмазову необходимо принимать самые серьезные меры вплоть до его снятия со всех постов. Но осторожный П. В. Вологодский, абсолютно доверявший М. П. Головачеву и в то же время считавший, что генерал пользуется большим авторитетом в военных кругах и у глав ведомств, прежде, чем один раз «отрезать», решил несколько раз «отмерить». Сначала он подробно обсудил инцидент с М. П. Головачевым и Г. Б. Патушинским. Эта «тройка» пришла к выводу, что необходимо дополнительно рассмотреть вопрос «в тесном кругу членов Совета [министров]».

Но заседание Совета министров показало, что его члены в своих оценках прошедшего существенно расходятся. Г. Б. Патушинский и М. Б. Шатилов категорически высказались за увольнение А. Н. Гришина-Алмазова. И. А. Михайлов столь же решительно защищал генерала. И. И. Серебренников считал необходимым не полагаться только на мнение консульского корпуса, а произвести расследование, в том числе выслушать самого А. Н. Гришина-Алмазова. Он же указал на то, что смена командарма в таких условиях может негативно сказаться на состоянии вооруженных сил. П. В. Вологодский колебался, скорее всего склоняясь к увольнению генерала. По итогам этого дневного обсуждения П. В. Вологодский записал в своем дневнике: «[...] Решено было не доверяться одному сообщению консульского корпуса, а проверить самый факт и обстановку, при которой произошел инцидент» [Вологодский, 2006. С. 79; Серебренников, 2008. С. 481–482].

С этой целью во второй половине дня П. В. Вологодский составил беседу сначала с А. Н. Гришиным-Алмазовым, а затем с командиром II Степного корпуса генерал-майором П. П. Ивановым-Риновым, присутствовавшим на челябинском банкете. А. Н. Гришин-Алмазов отрицал только принадлежность ему заключительной части фразы, относившейся к чехам, и одновременно пытался убедить П. В. Вологодского в том, что интригу против него затеял английский консул Т. Престон, которого генерал обвинил в германофильстве²⁵. Что касается П. П. Иванова-Ринова, то он фактически подтвердил достоверность информации союзных дипломатов, добавив, правда, что возмущенная тирада А. Н. Гришина-Алмазова прозвучала в ответ на какое-то ироническое замечание Т. Престона.

Влиятельная омская газета «Заря», решительно защищавшая А. Н. Гришина-Алмазова, скорее всего со слов самого генерала, позднее опубликовала такую маловразумительную и еще менее убедительную версию

²⁵ Информацию о том, что Г. Престон является едва ли не агентом влияния Германии, А. Н. Гришину-Алмазову предоставил штаб-офицер для поручений при управляющем военным министерством штабс-капитан А. А. Буров (см.: ГАРФ. Ф.Р-176. Оп. 3. Д. 6. Л. 18). Судя по всему, единственным основанием для подозрения английского консула в германофильстве являлся тот факт, что его женой была немка Э. Г. фон Шикенданц.

²⁴ Там же. Л. 16–17; Ф.Р-200. Оп. 1. Д. 26. Л. 114.

того, что произошло на банкете в Челябинске: «В конце раута, в том периоде его, когда, как говорится, дружеская беседа принимает “затяжной характер”, между г. Престоном и военным министром Гришиным-Алмазовым завязался разговор, носивший с обеих сторон форму, чуждую дипломатических условностей, причем г. Престон чувствовал себя гораздо более свободным от дипломатических форм, нежели его собеседник. Речь зашла об относительном значении участия в войне Англии и России.

Г. Престон, естественно, отделил громадную роль, которую играет в войне Англия, и указывал на второстепенную роль России. Гришин-Алмазов, не соглашаясь в оценке роли России, указывал, что содействие России может сыграть и в будущем решающую роль и что в силу этого для интересов наших союзников важно дать возможность России сыграть такую роль»²⁶.

Вечером 4 сентября П. В. Вологодский вновь собрал Совет министров. На этом неофициальном заседании премьер-министр доложил своим коллегам по правительству услышанное от А. Н. Гришина-Алмазова и П. П. Иванова-Ринова и предложил обсудить вопрос о том, как можно ликвидировать происшедший инцидент. Заседание было очень бурным. «Прения, – свидетельствовал И. И. Серебренников, – приняли страстный характер». По итогам дискуссии министры захотели лично выслушать объяснения А. Н. Гришина-Алмазова. Вскоре прибыл взволнованный генерал, который не сказал в свое оправдание ничего нового [Вологодский, 2006. С. 80; Серебренников, 2008. С. 483–484].

Почти весь следующий день, 5 сентября, шло закрытое заседание Совета министров. На нем, по выражению П. В. Вологодского, после «продолжительных и горячих прений» большинством в три голоса против двух было принято решение предложить А. Н. Гришину-Алмазову подать прошение об увольнении от должностей командующего армией и управляющего военным министерством, а в случае отказа – уволить без особого прошения и назначить на его место временно управляющим военным министерством и командующим Сибирской армией командира II Степного корпуса генерал-майора П. П. Иванова-Ринова.

За увольнение А. Н. Гришина-Алмазова голосовали П. В. Вологодский, Г. Б. Патушинский и Б. М. Шатилов, против – И. А. Михайлов и И. И. Серебренников. Следуя уже сложившейся в Совете министров традиции, двое последних в знак протеста не подписали журнал закрытого заседания, которым данное постановление было официально оформлено [Ларьков, 1997. С. 58].

Более того, в тот же день И. А. Михайлов и И. И. Серебренников подали на имя председателя Совета министров заявления.

В довольно бессвязном тексте, написанном И. А. Михайловым, телеграмма консульского корпуса была названа «грубым и грозным покушением на суверенитет и достоинство Сибирского правительства», а удовлетворение его требования об отставке А. Н. Гришина-Алмазова – «роковым и гибельным шагом», ответственность «за все ужасные последствия» которого он предложил взять на себя тем членам Совета министров, которые «за него высказались». Позиционируя себя как сторонника «миролюбивого и спокойного разрешения конфликта», И. А. Михайлов настаивал «на недопустимости увольнения управляющего военным министерством», заявляя, что в противном случае он сохраняет «за собой свободу действий»²⁷.

И. И. Серебренников потребовал перенести окончательное разрешение вопроса об А. Н. Гришине-Алмазове на расширенное заседание Совета министров с участием товарищей министров и управляющих ведомствами, которые составляли Административный совет Временного Сибирского правительства. В случае непринятия его условия И. И. Серебренников угрожал сложить с себя обязанности заместителя председателя Совета министров и уйти в отставку с поста министра снабжения²⁸.

Несмотря на такой демарш со стороны двух министров, П. В. Вологодский пригласил А. Н. Гришина-Алмазова и проинформировал его о состоявшемся постановлении Совета министров. При этом он предложил генералу самому выбрать новый род занятий. А. Н. Гришин-Алмазов, однако, подать прошение об отставке отказался и, соответственно, от обсуждения вопроса о своей бу-

²⁶ Заря (Омск). 1918. 8 сент.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 6. Л. 21.

²⁸ Там же. Л. 22.

дущей деятельности уклонился. Генерал настаивал на проведении над ним дисциплинарного расследования, намекая П. В. Вологодскому, что в случае несогласия с ним премьер-министра он может обратиться за поддержкой к войскам²⁹.

Судя по всему, генерал рассчитывал на дислоцировавшиеся в Омске части II Степного корпуса, подчиненные П. П. Иванову-Ринову, и на I Новониколаевский Сибирский стрелковый полк, в конце августа специально вызванный им в свое распоряжение в Омск³⁰. А. Н. Гришин-Алмазов даже не подозревал, что нерасторопный с виду П. В. Вологодский не терял время даром. Еще 4 сентября премьер-министр обсудил вопрос об его отставке с честолюбивым и жаждавшим большей власти П. П. Ивановым-Риновым, сделал командиру корпусу предложение занять обе освобождающиеся должности и получил со стороны последнего согласие³¹.

Днем 5 сентября состоялась встреча А. Н. Гришина-Алмазова и П. П. Иванова-Ринова. Алексей Николаевич попросил у командира корпуса о поддержке. Но последний своему опальному начальнику в ней отказал, судя по всему, открыто сославшись на договоренность с П. В. Вологодским. Как писал о результатах встречи П. П. Иванов-Ринов, «на этой почве произошел полный разрыв между мною и генералом Гришиным-Алмазовым».

Видимо, сразу же по окончании встречи с А. Н. Гришиным-Алмазовым П. П. Иванов-Ринов написал П. В. Вологодскому письмо, в котором выразил свою обеспокоенность тем, что до сих пор не имеет реаль-

ных гарантий того, что полученное им от премьер-министра предложение «получит реальное осуществление». Поэтому П. П. Иванов-Ринов решил «надавить» на П. В. Вологодского, предложив премьер-министру в таком случае немедленно уволить его из рядов Сибирской армии, официальное прошение о чем он обещал подать немедленно³².

Вечером 5 сентября Совет министров в очередной раз дебатировал вопрос об А. Н. Гришине-Алмазове. Дискуссия опять приняла ожесточенный характер, вплоть до личных оскорблений и новых заявлений о выходе из состава Совета министров. Но на этот раз – после угрозы со стороны А. Н. Гришина-Алмазова и под давлением П. П. Иванова-Ринова – П. В. Вологодский, ждавший, что виновник инцидента все же подаст прошение об отставке и тем самым снизит накал страстей и минимизирует напряжение в правительственных верхах, вел себя более жестко и сделал решающий шаг. Три члена Совета министров – П. В. Вологодский, Г. Б. Патушинский и М. Б. Шатилов – подписали указ Временного Сибирского правительства об увольнении А. Н. Гришина-Алмазова с занимаемых им должностей управляющего военным министерством и командующего Сибирской армией и о назначении П. П. Иванова-Ринова временно управляющим военным министерством и командующим Сибирской армией³³.

Затем П. В. Вологодский как председатель Совета министров единолично подписал распоряжение начальнику штаба Сибирской армии генерал-майору П. П. Белову, в котором поставил его в известность о том, что приказом (на самом деле – указом) Временного Сибирского правительства А. Н. Гришин-Алмазов уволен от занимаемых должностей, а вместо него назначен П. П. Иванов-Ринов. Премьер-министр попросил П. П. Белова по телеграфу объявить о данном правительственном акте всем войсковым штабам и частям, «приказав испол-

²⁹ Воля Сибири. 1918. 13 сент.; [Вологодский, 2006. С. 80–81]. И. И. Серебренников даже утверждал, что А. Н. Гришин-Алмазов на прощанье заявил П. В. Вологодскому, что «через два дня Сибирское правительство существовать уже не будет» (см.: [Серебренников, 2008. С. 485]).

³⁰ Первый Новониколаевский Сибирский стрелковый полк Средне-Сибирского корпуса состоял в основном из офицеров и небольшого количества добровольцев. В конце августа 1918 г. он был вызван со станции Новониколаевск в Омск «на смотр командарму» и с тех пор не выходил на связь ни со штабом дивизии, ни со штабом корпуса (см.: РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 86. Л. 14). Видимо, А. Н. Гришин-Алмазов специально передислоцировал полк в район Омска, чтобы иметь здесь воинскую часть, подчиненную не П. П. Иванову-Ринову, а ему лично на случай неблагоприятных обстоятельств.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 31. Л. 23.

³² Там же.

³³ Сиб. вестник. 1918. 8 сент. Тем самым совершенно не соответствует действительности информация омской газеты «Заря», которая 8 сентября 1918 г. об обстоятельствах принятия постановления об увольнении генерала сообщила следующее: «Ввиду энергичных настояний г. г. Патушинского и Шатилова председатель Совета министров счел себя вынужденным присоединиться к их мнению, и отставка Гришина-Алмазова была принята».

нять от сего числа все распоряжения лишь генерал-майора Иванова-Ринова».

П. П. Иванов-Ринов тоже проявил завидную оперативность. Не дожидаясь, пока П. П. Белов выполнит распоряжение председателя Совета министров, он немедленно отдал по войскам Сибирской армии приказ № 62, в котором объявил, что, основываясь на указе Временного Сибирского правительства от 5 сентября 1918 г., он вступил в командование армией. В 9 часов вечера того же дня П. П. Иванов-Ринов уже получил первое и очень важное поздравление с назначением на новые должности. Оно пришло от командующего Чехословацким корпусом генерал-майора Я. Сыровы³⁴. Это означало, что командование союзными войсками удовлетворено изменениями, произведенными Временным Сибирским правительством в высшем военном эшелоне.

По свидетельству И. И. Серебренникова, часов в 11 вечера в занимаемое Советом министров помещение явился П. П. Иванов-Ринов. Он доложил П. В. Вологодскому, что принял военное министерство и штаб армии, заверил премьер-министра в том, что все обстоит благополучно, и попросил разрешения снять усиленный караул у здания Совета министров. «Генерал говорил уверенно и спокойно, – утверждал И. И. Серебренников, – и этим производил на нас весьма хорошее впечатление» [2008. С. 486].

Видимо, чуть позже состоялось еще одно неофициальное расширенное заседание Совета министров с участием товарищей министров и управляющих ведомствами, входивших в Административный совет, на котором в качестве главы военного министерства уже присутствовал П. П. Иванов-Ринов. П. В. Вологодский проинформировал собравшихся о произведенных Советом министров кадровых изменениях в руководстве военным ведомством и в армейском командовании, но члены Административного совета не сочли аргументы председателя правительства удовлетворительными. Они решили заслушать объяснение самого А. Н. Гришина-Алмазова в отсутствие министров. По итогам этого совещания большинство Административного совета потребовало от Совета министров пересмотреть вопрос об увольнении А. Н. Гришина-Ал-

мазова, угрожая в противном случае уйти в отставку. «Это было объявление войны министерствами Сибирскому правительству, – записал по горячим следам свои впечатления П. В. Вологодский, – и я чувствовал, что предстоит бой, исход которого трудно предугадать»³⁵ [2006. С. 80].

А. Н. Гришин-Алмазов, знавший о расколе в Совете министров и о поддержке со стороны большинства Административного совета, также не считал свое дело окончательно проигранным. Он еще раз предпринял попытку переломить неблагоприятное развитие событий. Получив приказ П. П. Белова, бывший командарм и глава военного ведомства ночью пригласил на свою квартиру несколько своих наиболее влиятельных союзников. В числе тех, кто откликнулся на его приглашение, оказались министр финансов И. А. Михайлов, член кадетского ЦК В. Н. Пепеляев, управляющий делами правительства Г. К. Гинс и председатель Высшего совета снабжения инженер М. Н. Павловский.

По свидетельству Г. К. Гинса, во время этой ночной встречи А. Н. Гришин-Алмазов сообщил, что «он мог бы обратиться к некоторым частям войск за поддержкой, но, считаясь с обстановкой момента и происходящим в настоящее время призывом новобранцев, этого не сделал»³⁶. Однако есть и другая информация. Если верить П. П. Иванову-Ринову, то еще в ночь на 5 сентября А. Н. Гришин-Алмазов пытался вызвать себе на помощь партизанский отряд Б. В. Анненкова, который в то время дислоцировался неподалеку от Омска на станции Исыль-Куль. Б. В. Анненков, однако, ответил А. Н. Гришину-Алмазову отказом³⁷.

Поскольку применение силового варианта сорвалось, А. Н. Гришин-Алмазов предложил собеседникам обсудить возможность его восстановления в должностях по формально-юридическим основаниям. Действительно, в этом отношении Совет министров допустил явные нарушения. Во всяком случае, указа Временного Сибирского прави-

³⁴ Сиб. вестник. 1918. 7 сент.; Сиб. речь. 1918. 7 сент.

³⁵ В Административном совете было два человека, не поддержавших А. Н. Гришина-Алмазова: М. П. Головачев и недавно назначенный управляющим министерством внутренних дел бывший прокурор Иркутской судебной палаты С. С. Старынкевич (см.: ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 2. Л. 18).

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.

³⁷ Там же. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 99. Л. 493.

тельства об увольнении А. Н. Гришина-Алмазова в официальной печати опубликовано не было, никакого правительственного акта об увольнении генерал не получал и приказа о передаче должностей П. П. Иванову-Ринову тоже не отдавал. Поэтому А. Н. Гришин-Алмазов решил написать П. В. Вологодскому и П. П. Иванову-Ринову письма, в которых намеревался указать на нарушение норм закона, не позволявшие ему считать себя уволенным.

Все присутствовавшие поддержали эту идею. Правда, Г. К. Гинс, согласившийся, что такая постановка вопроса в принципе возможна, выразил сомнение в том, что она будет иметь «реальные последствия». Точно так же Г. К. Гинс отказался выполнить просьбу А. Н. Гришина-Алмазова передать письмо генерала лично П. В. Вологодскому, поскольку такая миссия не соответствовала его «официальному положению»³⁸.

Здесь же под диктовку А. Н. Гришина-Алмазова один из близких к нему офицеров написал письма П. В. Вологодскому и П. П. Иванову-Ринову. В них А. Н. Гришин-Алмазов подтвердил получение приказа П. П. Иванова-Ринова о его вступлении в командование армией, но одновременно свое снятие с должности квалифицировал как акт антидисциплинарный и незаконный. «По долгу службы, как солдат и часовой, не имеющий права оставить своего поста, – сообщил он П. П. Иванову-Ринову, – я объявляю Вам, что я по-прежнему остаюсь командующим Сибирской армией»³⁹.

Более пространном и эмоциональным получился соответствующий раздел послания, предназначенного для П. В. Вологодского. «Я, как солдат и гражданин, взявший на себя тяжелую ответственность по созданию Сибирской армии, как основы будущей Российской армии, долженствующей в единении с союзниками победить во что бы то ни стало Германию, – заявил генерал премьер-министру, – по долгу службы и совести не имею права оставить [должности] без законных оснований, как часовой своего поста, а потому считаю своим долгом довести до сведения Вашего, что я считаю себя по-прежнему командующим Сибирской армией и управляющим военным министерст-

вом Временного Сибирского правительства, о чем мною и послано соответствующее приказание генералу Иванову»⁴⁰.

Было ли доставлено письмо А. Н. Гришина-Алмазова П. П. Иванову-Ринову и если было доставлено, то какая реакция последовала со стороны получателя, установить не удалось. Зато известно, что дважды, в 4 и 6 часов утра, кто-то из оставшихся верным А. Н. Гришину-Алмазову офицеров (скорее всего, это был войсковой старшина А. Сургутанов, исполнявший должность генерала для поручений при командующем Сибирской армией) пытался передать письмо П. В. Вологодскому. Премьер-министр через дверь лично заявил посланцу, что не видит оснований «для такой экстренности в принятии от него письма от уволенного

в отставку министра». Вдобавок П. В. Вологодский попросил жившего у него М. П. Головачева позвонить начальнику штаба армии П. П. Белову и попросить его выслать солдат для охраны квартиры премьер-министра. Лишь в 8 часов утра П. В. Вологодский соизволил принять письмо отправленного в отставку генерала⁴¹ [Вологодский, 2006. С. 81].

Более того, едва ли не по горячим следам П. В. Вологодский решил письменно ответить А. Н. Гришину-Алмазову на его обвинения в незаконности увольнения с обеих должностей по причине несоблюдения Советом министров ряда процессуальных норм. П. В. Вологодский написал пространное письмо, в котором не очень убедительно, зато категорически отмел эти обвинения. Правда, при этом премьер-министр подменил вопрос о законности увольнения генерала вопросом об его осведомленности насчет принятого Советом министром постановления, сославшись, в частности, на то, что А. Н. Гришин-Алмазов был свидетелем того, «что происходило вчера вечером в собрании управляющих министерствами и их товарищей».

П. В. Вологодский, получив надежную поддержку в лице нового командарма и управляющего военным министерством и почувствовав себя уверенно, жестко потребовал от А. Н. Гришина-Алмазова подчиниться указу Временного Сибирского пра-

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.

³⁹ РГВА. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 6. Л. 24.

⁴⁰ Там же. Л. 23.

⁴¹ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

вительства «незамедлительно, не осложняя этого акта никакими противодействиями [...]»⁴². Правда, переговорив с Г. К. Гинсом, П. В. Вологодский по совету последнего не стал отправлять письмо адресату, сочтя вступать в переписку с ним излишним.

Весь день 6 сентября Административный совет и мобилизованная им «правая» общественность Омска пытались воздействовать на П. В. Вологодского, добиваясь отмены указа об увольнении А. Н. Гришина-Алмазова. Кадетская «Сибирская речь» – видимо, с подачи самого генерала – пыталась убедить премьер-министра и общественность в том, что интрига против А. Н. Гришина-Алмазова идет «из какого-то германофильского источника». «Несомненно, – утверждала газета, – что в немецких интересах такая фигура, как Гришин-Алмазов, должны быть снята со счета. Немецкие агенты и развили в этом направлении свою деятельность. Некоторые из них уже нащупаны, а в дальнейшем будут приняты меры к обезврежению (так в тексте. – В. Ш.) работы и тех, которые еще скрываются»⁴³.

Но П. В. Вологодский был непреклонен. К тому времени он уже располагал дополнительной информацией о позиции тех, кто был союзником отставного генерала. Премьер-министр получил донесение начальника Барнаульского гарнизона о телеграмме, 30 августа отправленной Н. Б. Двинаренко и Д. С. Каргаловым В. Е. Флугу, ознакомился с перепиской В. Е. Флуга и А. Н. Гришина-Алмазова, а также с публикациями кадетской «Сибирской речи», в которых П. В. Вологодскому предлагалось уйти на покой.

Все это, как свидетельствует дневник П. В. Вологодского, исключало возможность компромисса премьер-министра с А. Н. Гришиным-Алмазовым. «[...] Передо мной, – записал по свежим следам П. В. Вологодский, – стоял вопрос так, если победит партия Гр[ишина]-Алмазова, я должен буду уйти из состава правительства». «В другой момент, – объяснял премьер-министр свою позицию, – я охотно бы ушел из правительства, но при данных обстоятельствах я находил делать это ниже своего достоинства, да и опасным для культивирования всякого

рода кривотолков о распаде правительства» [Вологодский, 2006. С. 81].

В то же время сохранялась возможность компромисса внутри Совета министров, а также между большинством Совета министров и большинством Административного совета, на стороне которого находились два министра: И. А. Михайлов и И. И. Серебренников. На состоявшемся 6 сентября заседании Совета министров с участием товарищей министров и управляющих ведомствами П. В. Вологодский сделал «осведомительный доклад» о положении дел в связи с увольнением в отставку А. Н. Гришина-Алмазова, о заявлениях И. А. Михайлова, Г. Б. Патушинского и И. И. Серебренникова о выходе из состава правительства и о последующих заявлениях министров юстиции и снабжения, что они аннулируют свои прошения об отставке.

Тогда же от имени частного совещания управляющих ведомствами поступила просьба не считать вопрос о выходе И. А. Михайлова из состава правительства окончательно решенным и принять меры к тому, чтобы министр финансов отозвал свое заявление об отставке [Временное Сибирское..., 2007. С. 324–327]. Через день П. В. Вологодский проинформировал расширенное заседание Совета министров о том, что И. А. Михайлов взял свое заявление об отставке, а Г. Б. Патушинский, узнав об этом, подтвердил свое намерение оставить пост министра юстиции [Там же. С. 344]. В результате прогнозы эсеровского руководства Сибирской областной думы на уход И. А. Михайлова из правительства, которые они стали выдавать за уже свершившийся факт, не подтвердились⁴⁴.

Что касается А. Н. Гришина-Алмазова, то 6–7 сентября Административный совет, скорее всего, делал вид, что добивается его восстановления в должностях. В действительности судьба отставного генерала большинство членов Административного совета уже едва ли беспокоила. Товарищей министров и управляющих ведомствами больше волновало то, что их самих может постигнуть участь А. Н. Гришина-Алмазова. Поэтому они, выдавая свои корпоративные интересы за заботу об имидже, авторитете и дееспособности Временного Сибирского правительства, в действительности хотели

⁴² ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 31. Л. 21–22.

⁴³ Сиб. речь. 1918. 6 сент.

⁴⁴ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

получить от Совета министров права, гарантировавшие их от такой перспективы.

В этом отношении весьма показательным поведением Г. К. Гинса, являвшегося исключительно чутким «политическим флюгером». Г. К. Гинс числился приятелем А. Н. Гришина-Алмазова, сначала был его «твердым» сторонником и решительным противником увольнения, в числе немногих даже участвовал в ночной встрече с генералом, за что был назван министром М. Б. Шатиловым предателем. Но как только Г. К. Гинс осознал, что П. П. Иванов-Ринов взял армию и военное ведомство в свои руки, а ситуация в корне изменилась, он порвал с А. Н. Гришиным-Алмазовым, «неожиданно» увидев в нем всего лишь «маленького, честолюбивого и самоуверенного человечка, не умевшего вести большой игры и доверявшего случайным людям» [Гинс, 1921. С. 200].

П. В. Вологодский был не настолько наивен, чтобы не понимать обеспокоенности Административного совета и не отреагировать на нее. В преддверии предстоявшей продолжительной командировки на Дальний Восток премьер-министр пошел навстречу Административному совету и согласился расширить его полномочия на время отсутствия в Омске большинства членов Совета министров. Наиболее важными уступками, которые сделал Совет министров, было согласие на увольнение должностных лиц 2-го и 3-го классов лишь с санкции Административного совета и предоставление ему в отношении Сибирской областной думы всех полномочий, принадлежащих Совету министров, включая право перерыва ее работ и отпуска [Временное Сибирское..., 2007. С. 328–344]. Последнее означало не что иное, как «скрытый» государственный переворот, в результате которого на следующие почти полтора месяца Административный совет превратился в главный законодательный, распорядительный и исполнительный орган власти на всей территории, подконтрольной Временному Сибирскому правительству [Шишкин, 2007. С. 60–67].

Точно так же были удовлетворены серьезные требования нового главы военного ведомства и командующего Сибирской армией П. П. Иванова-Ринова, направленные на восстановление «твердого порядка» в армии: введены погоны, был издан приказ о преследовании как предателей служивших у большевиков офицеров, восстановлена

смертная казнь за некоторые тяжчайшие преступления и пр. [Ларьков, 1997. С. 60–61].

Увольнение А. Н. Гришина-Алмазова с высших военных постов в лагере сибирской контрреволюции вызвало большой общественно-политический резонанс. Об инициаторах, причинах, ходе, результатах и последствиях этого события высказались многие политики, журналисты и публицисты, в разной степени полно и объективно писали почти все крупные газеты не только Сибири, но и Поволжья, Урала и Дальнего Востока.

Спектр предложенных ими объяснений был довольно широк, несмотря на то, что газета «Омский вестник», наиболее оперативно отреагировавшая на увольнение А. Н. Гришина-Алмазова, еще 7 сентября совершенно резонно по этому поводу заметила: «Внутренние причины, направляющие общую политику власти, вообще никогда широко не известны, а потому по поводу них, конечно, и гадать бесполезно».

Но, похоже, этому совету никто из главных политических акторов Сибири не внял. Слишком велики были ставки в борьбе за власть, чтобы упустить возможность, возникшую благодаря инциденту с А. Н. Гришиным-Алмазовым, для дополнительной демонстрации своей позиции и сведения счетов с противниками. Не случайно, что при анализе причин происшедшего большинство участников дискуссии искало их в факторах не объективного порядка, а субъективного, точнее даже – персонального характера.

Как правило, «правые» деятели инициаторами и виновниками увольнения генерала называли эсеров и руководство Сибирской областной думы, недовольных его требованиями установления «твердой власти».

Демократически настроенные государственники вроде «правого» эсера А. В. Сазонова, знавшего А. Н. Гришина-Алмазова со времен антибольшевистского подполья, вину за разжигание внутривластного конфликта и удаление А. Н. Гришина-Алмазова из власти возлагали на Г. Б. Патушинского, М. Б. Шатилова и М. П. Головачева, считая их «политическими младенцами», открывшими дорогу сторонникам реставрации в лице П. П. Иванова-Ринова⁴⁵.

⁴⁵ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 15 и 26 сент. Кстати, эту точку зрения разделял и И. И. Себреников. «Решивши уволить Гришина-Алмазова, – записал он в дневнике, – министры Вологодский Патушинский и Шатилов стали подыскивать ему пре-

Еще более жесткую позицию заняла позиционировавшая себя в качестве органа «социалистической мысли» омская газета «Заря», в действительности выражавшая взгляды государственно-патриотических кругов. Увольнение А. Н. Гришина-Алмазова по требованию консульского корпуса союзных держав она назвала небывалым в дипломатической практике инцидентом, обвинив в этом Г. Б. Патушинского, М. Б. Шатилова и М. П. Головачева. Вменяя названным государственным деятелям предательство национальных интересов России, она категорически потребовала их отставки⁴⁶.

Эсеры же главной причиной увольнения А. Н. Гришина-Алмазова считали антиправительственную, антигосударственную деятельность кадетов и самого генерала, требовавших установления «твердой власти», вплоть до диктатуры⁴⁷.

Любопытную и не лишённую оснований точку зрения о том, почему вопрос об А. Н. Гришине-Алмазове приобрел такую остроту, высказал достаточно хорошо информированный собственный корреспондент газеты «Народная Сибирь» В. Уткин. Он считал, что в борьбе против этого генерала возникло «весьма трогательное единение крайних правых и крайних левых, как это уже теперь обычно для нашей русской жизни»⁴⁸.

Но, пожалуй, лишь редактируемая известным областником, народным социалистом А. В. Адриановым газета «Сибирская жизнь» попыталась найти объяснение увольнения А. Н. Гришина-Алмазова в объективных политических факторах конца лета – начала осени 1918 г. «[...] Многое в политической атмосфере последних дней заставляло предполагать, – говорится в ее редакционной статье, – что назревает некоторый кризис. Достигнутая связь с востоком сделала реальной необходимостью то, что до этого было в сфере теоретических возможностей. Отношение к правительствам Дербера и Хорвата должно было выявиться в скором времени – и, конечно, завязавшая

ся вокруг этого вопроса в обществе борьба не могла не отразиться и на правительстве. Возможно, что на этой почве произошел конфликт, вызвавший уход Гришина-Алмазова». Но при этом «Сибирская жизнь» не исключала того, что, возможно, были «и другие мотивы»⁴⁹.

Исчерпывающее объяснение происшедшему должны были, конечно, дать Совет министров Временного Сибирского правительства или его председатель П. В. Вологодский. Однако в дни острого кризиса ни тот, ни другой этого не сделали. Молчала и газета «Сибирский вестник», являвшаяся официальным правительственным органом. Лишь 10 сентября в Красноярске, где он оказался проездом на Дальний Восток, в интервью местной газете П. В. Вологодский впервые публично высказал свою точку зрения на причины, вызвавшие увольнение А. Н. Гришина-Алмазова. Премьер-министр утверждал, что «ближайшим поводом» для отстранения генерала от власти стало его поведение на рауте после второго государственного совещания в Челябинске, «резкие суждения по отношению к нашим союзникам вообще и в частности к чехословакам».

П. В. Вологодский сказал также, что, кроме этого обстоятельства, существовали «причины более глубокого, более решительного характера, в силу которых пребывание ген[ерала] Гришина-Алмазова в составе кабинета [министров] было невозможным», но обсуждать их в открытой печати в настоящее время председатель Совета министров счел «неудобным»⁵⁰.

Более развернутое объяснение тому, почему был уволен А. Н. Гришин-Алмазов, П. В. Вологодский дал четыре дня спустя в эксклюзивном интервью иркутской газете «Сибирь». Скорее всего, на такой шаг премьер-министра подвигло знакомство с теми слухами, которые появились в печати, а также прямые обвинения в предательстве национальных интересов, прозвучавшие в адрес всего Временного Сибирского правительства и его лично как председателя Совета министров. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что именно с опровержения такого рода обвинений начал П. В. Вологодский свое интервью. «Никто не должен и мысли допускать, – заявил он, –

емника и остановились на генерале Иванове-Ринове как наиболее популярном лице в Сибирской армии. По иронии судьбы левые министры выдвинули человека весьма правых убеждений, правда, большого патриота» (см.: [Серебренников, 2008. С. 482]).

⁴⁶ Заря (Омск). 1918. 8 сент.

⁴⁷ Голос народа. 1918. 8 и 11 сент.

⁴⁸ Народная Сибирь. 1918. 15 сент.

⁴⁹ Сиб. жизнь. 1918. 8 сент.

⁵⁰ Воля Сибири. 1918. 13 сент.

будто Временное Сибирское правительство в этом своем акте действовало под давлением представителей иностранных держав, вызванным неосторожно брошенными выражениями генерала».

«Истинная причина заключается в том, – утверждал премьер-министр, – что в трудные моменты, которые мы теперь переживаем, Совет министров может работать с надеждой на успех только при внутренней сплоченности кабинета, когда отношения членов кабинета позволяют на основе взаимного доверия развивать максимальную энергию. Нельзя скрывать, что некоторые выступления ген[ерала] Гришина-Алмазова весьма испортили его отношения с членами кабинета, после чего часто приходилось убеждаться, что внутреннее равновесие кабинета окончательно поколеблено и работоспособность правительства может быть восстановлена только самыми радикальными мерами. К этому присоединилось недовольство правительства некоторыми моментами в деловой работе бывшего военного министра [...]. Ввиду этого правительство решилось, в целях устранения препятствий для своей коллективной работы, пожертвовать личностью популярного генерала, сделавшего столь много для освобождения Сибири»⁵¹.

Несколько иначе расставил акценты П. В. Вологодский, давая 26 октября 1918 г. Свидетельские показания особой чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным Всероссийским правительством: «Часть [Временного] Сибирского правительства, в том числе [М. Б.] Шатилов, [Г. Б.] Патушинский и я, находили, что с [А. Н.] Гришиным-Алмазовым надо поступить решительно, т. К. нам казалось, что, прежде всего, он допустил большую бестактность, отозвавшись на одном большом обеде крайне резко о союзниках и чехословаках; мы считали, что это сопряжено с большими осложнениями в наших отношениях с союзниками и чехословаками. Кроме того, общее поведение [А. Н.] Гришина-Алмазова в отношении [Временного] Сибирского правительства вызывало раздражение. [А. Н.] Гришин-Алмазов был резким человеком. Кроме того, у него замечалась тенденция к тому, чтобы [Временное] Сибирское правительство беспрекословно ис-

полняло его волю во всем. Это, конечно, не могло нравиться. Вместе с тем говорилось о некотором чрезмерном увлечении его политикой и отсутствии заботы о непосредственных нуждах войск»⁵².

Разыгравшиеся в Омске 4–7 сентября 1918 г. события многие политики, журналисты и публицисты квалифицировали как министерский, а некоторые – даже как правительственный кризис. Но масштабы и глубину этого кризиса все освещали и оценивали по-разному. Особенно сгустила краски эсеровская печать, выходившая в Поволжье и на южном Урале, которая поддерживала Самарский Комуч и оппонировала Временному Сибирскому правительству, оценивая его как реакционное. В ней появились сведения о том, что А. Н. Гришин-Алмазов и П. П. Иванов-Ринов отдали приказы об аресте друг друга⁵³. На этом основании «Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания» утверждал, что кризис Временного Сибирского правительства «принял крайне острые формы и держит в напряженном состоянии все сибирские общественно-политические круги»⁵⁴. Еще дальше пошла издававшаяся уфимскими эсерами газета «Народное дело». Она заявила, что произошел «не только полный распад Сибирского правительства, но [и идет] чуть не открытая война между отдельными членами ее»⁵⁵.

Кажется, исключение из числа тех, кто считал внутривластьственный конфликт кризисом, составили только кадет В. А. Жардцкий, иронично назвавший его «омским переполохом», и новониколаевская газета «Народная Сибирь», которая в редакционной статье квалифицировала увольнение А. Н. Гришина-Алмазова как политический скандал⁵⁶.

⁵² «Я все время вел примиряющую политику». Временное Сибирское правительство в оценке его премьер-министра П. В. Вологодского. 1918 г. (публикация В. И. Шишкина) // Исторический архив. М., 2009. № 6. С. 57.

⁵³ По свидетельству И. А. Михайлова, П. П. Иванов-Ринов действительно отдал распоряжение об аресте А. Н. Гришина-Алмазова, но министру финансов удалось уговорить П. П. Иванова-Ринова не делать этого (см.: ГАРФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 1. Л. 124).

⁵⁴ Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 11 сент.

⁵⁵ Народное дело (Уфа). 1918. 13 сент.

⁵⁶ Сиб. речь. 1918. 10 сент.; Народная Сибирь. 1918. 15 сент.

⁵¹ Сибирь (Иркутск). 1918. 14 сент.

Сам же П. В. Вологодский, несмотря на то, что тяжело пережил эти несколько дней, пытался представить увольнение А. Н. Гришина-Алмазова как событие в политической жизни Сибири, не имевшее чрезвычайного характера. «Смена управляющего военным министерством, – утверждал он в интервью иркутской газете «Сибирь», – произошла в установленном порядке и не вызвала никаких замешательств [...]».

Совершенно естественно, что большой разброс мнений в обществе и в периодической печати возник относительно результатов внутриправительственного конфликта и выводов, которые следовало извлечь из его преодоления.

Уничижительно оценку поведению Временного Сибирского правительства и большинства его Совета министров дал В. А. Жардецкий. «Та быстрота и непосредственность, которые были проявлены г. г. Патушинским, Шатиловым и Вологодским в деле ликвидации одного из управляющих министерствами – да еще такого важного, – считал он, – свидетельствует о крайне неопытности упомянутых лиц в деле управления [...]»

К «положительным сторонам» внутриправительственного конфликта В. А. Жардецкий отнес добровольный уход в отставку Г. Б. Патушинского и согласие остаться в составе Совета министров И. А. Михайлова. «Из переполоха и замешательства, – писал кадетский публицист, – Сиб[ирское] Вр[еменное] правительство выходит очищенным и улучшенным, со всеми признаками того, что улучшение его состава будет продолжаться и далее». Причем В. А. Жардецкий не скрывал своего видения того, за счет кого он считал нужным произвести дальнейшее улучшение и очищение правительства. «[...] Мы находили бы полезным, – ерничал кадетский публицист, – просто-напросто уничтожить министра иностранных дел и его товарища (разумеется, мы говорим об институте, и говорим притом при совершенно искренней заботе о здоровье прис[яжного] пов[еренного] П. В. Вологодского и пом[ощника] прис[яжного] пов[еренного] г. Головачева»⁵⁷.

За решительную защиту А. Н. Гришина-Алмазова очередные баллы у государственных и патриотов заработал И. А. Михай-

лов⁵⁸, тогда как правительство в целом было названо ими «близоруким», проявившим «чрезвычайно мало политической мудрости и необходимого чутья». Правительству вменялось в вину, что «в азарте личной скверной борьбы [оно] не оберегло своего суверенного достоинства и само уронило перед союзниками свой политический авторитет»⁵⁹.

Принципиально иначе трактовали итоги случившегося «Сибирская жизнь» и эсеры. В редакционной статье «Уход генерала Гришина-Алмазова» «Сибирская жизнь» вынесла по этому вопросу такой вердикт: «Насколько возможно в наших условиях, правительство пользуется симпатией и доверием широких кругов за свой твердый и определенный курс [...]. Курс этот, по нашему убеждению, единственный, который может привести к вожденному концу начатое дело воссоздания России»⁶⁰.

Что касается эсеров, то Всесибирский крайком этой партии приветствовал «устранение» А. Н. Гришина-Алмазова из правительства, а издаваемый крайкомом «Голос народа» расценил этот поступок Совета министров «как проявление твердой власти»⁶¹.

Оценка, данная позиции Временного Сибирского правительства во время конфликта его главой, в основном совпала с тем, что утверждали эсеры. «[...] Временное Сибирское правительство настолько сильно, – заявил П. В. Вологодский корреспонденту иркутской газеты, – что оно чувствует себя правомочным само определять свой состав, руководствуясь исключительно интересами государства и “не взирая ни на каких особ”»⁶².

Такой разброс мнений представителей различных политических сил об итогах острейшего внутриправительственного конфликта свидетельствовал о многом. Прежде всего он говорил о том, что противоречия в лагере сибирской контрреволюции увольнением А. Н. Гришина-Алмазова не только не были сняты, но и углубились. Причем произошло размывание «центра» существовавшего политического спектра, отождеств-

⁵⁸ Народная Сибирь. 1918. 11 сент.

⁵⁹ Там же. 15 сент.

⁶⁰ Сиб. жизнь. 1918. 8 сент.

⁶¹ Голос народа. 1918. 8 и 11 сент.

⁶² Сибирь. 1918. 14 сент.

⁵⁷ Сиб. речь. 1918. 10 сент.

ляемого с именем П. В. Вологодского, и усиление «правого» и «левого» флангов.

Еще на одно важное обстоятельство уже обращал внимание Н. С. Ларьков. «Левые» и П. В. Вологодский не прочувствовали новой политической ситуации, возникшей после увольнения А. Н. Гришина-Алмазова. Первые явно переоценили свои силы, а П. В. Вологодский недооценил опасность нового конфликта [Ларьков, 1997. С. 61]. Хотя, надо отдать должное премьер-министру, «подстраховку» он сделал. Проезжая 10 сентября 1918 г. через Красноярск, П. В. Вологодский уговорил В. М. Крутовского вернуться для работы в правительстве и на время своего пребывания в командировке занять пост заместителя председателя Совета министров, что последний через неделю и сделал⁶³ [Временное Сибирское..., 2007. С. 429]. Но, как вскоре выяснилось, для обеспечения политической стабильности этого оказалось недостаточно.

В пылу борьбы за собственные прерогативы члены Административного совета несколько дней вообще больше не вспоминали об А. Н. Гришине-Алмазове. Будучи уволенным без подачи прошения, генерал остался не только без должности, но и без оклада. Лишь 13 сентября постановлением Административного совета, ставшего после отъезда П. В. Вологодского на восток полномочным хозяином на территории Сибири (его председателем вместо уехавшего на Государственное совещание в Уфу был избран И. А. Михайлов), А. Н. Гришин-Алмазов был зачислен «по полевой легкой артиллерии с назначением состоять в распоряжении Совета министров» [Ларьков, 1997. С. 63]. На следующий день И. А. Михайлов подписал приказ по канцелярии Совета министров, в соответствии с которым А. Н. Гришину-Алмазову предлагалось выдавать денежное содержание служащего 4-го класса, приравненное к окладу уполномоченного председателя Совета министров⁶⁴.

В дальнейшем И. А. Михайлов намеревался предложить А. Н. Гришину-Алмазову отправиться на юг европейской России к генералам М. В. Алексееву и Л. Г. Корнилову. П. П. Иванов-Ринов, убедившийся в том, что никакой поддержки в армейской среде у

повергнутого конкурента нет⁶⁵, против такого варианта его использования не возражал. Единственное, что беспокоило нового командарма и главу военного ведомства, чтобы А. Н. Гришин-Алмазов «не мог использовать свое причисление к Совмину для каких-либо своих целей». Поэтому П. П. Иванов-Ринов считал необходимым «очень тщательно проредактировать подлежащие выдаче Гришину[-Алмазову] документы»⁶⁶.

Но, похоже, эти опасения оказались напрасными. От Совета министров А. Н. Гришин-Алмазов получил только удостоверение, которое 16 сентября ему выдало управление делами. Еще шесть дней спустя генерал сообщил в канцелярию Совета министров о том, что сегодня он отправляется в командировку, пункт назначения которой в документе указан не был⁶⁷.

Правда, 12 октября в разделе «Хроника» омской газеты «Заря» появилась такая заметка: «Из достоверного источника сообщают, что генерала Гришина-Алмазова вызвал генерал Алексеев, и он к нему выехал из Омска в с[е]редине сентября н[ового] с[тиля]».

Относительно руководителя Добровольческой армии М. В. Алексеева неназванный «достоверный источник», конечно, откровенно солгал. Или это сделал редактор газеты, прикрывшись «достоверным источником». Генерал М. В. Алексеев никак не мог «вызвать» А. Н. Гришина-Алмазова к себе, поскольку не обладал для этого ни необходимыми правами, ни техническими возможностями. В то время между Временным Сибирским правительством и командованием Добровольческой армии, располагавшимся в Екатеринодаре, не было никаких контактов. Та часть офицерского корпуса Народной армии Самарского Комуча и Сибирской армии, которая была ориентирована на М. В. Алексеева, только намеревалась их установить. И случилось так, что А. Н. Гри-

⁶³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 12. Л. 22.

⁶⁴ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 50.

⁶⁵ Судя по всему, в Омске А. Н. Гришина-Алмазова активно поддержали всего два офицера, фамилии которых уже упоминались: Буров и Сургутанов. Но они оба 6 сентября 1918 г. по прямому приказанию П. П. Иванова-Ринова были арестованы и заключены под стражу, первый – якобы за буйство и драку, учиненную еще 15 августа, второй – за государственную измену (см.: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 1. Л. 355–364).

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 99. Л. 491–493.

⁶⁷ Там же. Оп. 3. Д. 6. Л. 25.

шину-Алмазову предстояло принять участие в их налаживании.

Добравшись до Уфы, А. Н. Гришин-Алмазов встретился там с полковником Д. А. Лебедевым. В военных кругах Лебедев был довольно известной фигурой. Участник русско-японской и мировой войн, выпускник Академии Генерального штаба, кавалер ордена Св. Георгия, он после Февральской революции был одним из инициаторов создания и руководителей Союза офицеров армии и флота. В августе 1917 г. полковник участвовал в выступлении генерала Л. Г. Корнилова, вместе с ним подвергся аресту и заключению в Быховскую тюрьму. После освобождения из тюрьмы он переехал на Дон, принимал участие в организации и боевых действиях Добровольческой армии. В феврале 1918 г. Д. А. Лебедев во главе небольшого отряда «особого назначения» был направлен М. В. Алексеевым с юга России в Заволжье и Сибирь для налаживания связи. Похоже, однако, что в Народной армии Комуча он не пришелся «ко двору». Не оказалось его и в окружении генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева, ставшего после Уфимского государственного совещания Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

Как и почему «нашли» друг друга А. Н. Гришин-Алмазов и Д. А. Лебедев в Уфе, выяснить не удалось. Не исключено, что содействовать этому мог обладавший большими связями и возможностями И. А. Михайлов. Да и в офицерской среде существовали свои каналы информации и связи. Судя по всему, А. Н. Гришин-Алмазов и Д. А. Лебедев знали друг друга раньше, поскольку с разницей в один год (соответственно в 1902 и 1903 гг.) оба окончили одно и то же Михайловское артиллерийское училище [Волков и др., 2003. С. 82, 126]. Безусловно, Д. А. Лебедев был в курсе происшедшего с А. Н. Гришиным-Алмазовым по газетным публикациям. Но Алексей Николаевич дал ему исчерпывающую информацию и свою версию причин увольнения.

В ответ на это Д. А. Лебедев 31 сентября написал А. Н. Гришину-Алмазову рекомендательное письмо, которое было адресовано ротмистру А. Г. Шапрону дю Ларре, адъютанту генерала М. В. Алексеева. В письме говорилось: «Податель этого письма генерал-майор Гришин-Алмазов, бывший воен-

ный министр и командующий Сибирской армией. Он – один из самых видных деятелей Сибири, работавших по освобождению ее от большевиков. Ныне он смещен по проискам эс-эров (так в тексте. – В. Ш.), которых душил. Он мой друг, и я прошу тебя оказать ему все внимание, содействие и доверие, которое оказал бы ты мне. Он целиком стоит на идеях Добровольческой армии. Я с ним договорился до конца, и прошу тебя вступить с ним в дела, доверяя ему безусловно и во всем.

Прошу тебя ознакомить его со всеми и рекомендовать, имея в виду, что это один из самых крупных и популярных деятелей Сибири, особенно в кругах военных и несоциалистических.

Доложи о нем генер[алу М. В.] Алексееву, тонко указав, что он – крупная величина, пользующаяся здесь большим влиянием. Он тебе расскажет о[бо] всех здешних делах и обо мне»⁶⁸.

С этим письмом в сопровождении подпоручика Б. Д. Зернова, прикомандированного А. Д. Лебедевым, А. Н. Гришин-Алмазов отправился на юг России. Столь блистательно начавшийся в лагере сибирской контрреволюции этап его карьеры завершился. А. Н. Гришин-Алмазов лишился обоих высших военных постов. Но зато он покидал Сибирь, завоевав себе имя, которое знали все вожди «белого дела».

Список литературы

Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта гражданской войны. Биографический справочник. М.: Русский путь, 2003. 240 с.

Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистского правительства и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006.

Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): Сб. док. и материалов / Сост., науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2007. 818 с.

Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. Т 1, ч. 1.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 286. Л. 1–2.

Ларьков Н. С. Омский правительственный кризис в начале сентября 1918 г. // Власть и общество в Сибири в XX веке / Под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 1997. Вып. 1: Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. С. 54–64.

Серебренников И. И. Перетерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.

Шишкин В. И. Административный совет Временного Сибирского правительства (24 августа – 4 ноября 1918 г.) // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории

XVII–XXI вв. Бахрушинские чтения 2007 г. / Под ред. И. С. Кузнецова. Новосибирск, 2007. С. 60–69.

Шишкин В. И. Командующий Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны / Под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2009. С. 126–195.

Материал поступил в редакцию 25.11.2010

V. I. Shishkin

**DOWNFALL OF GENERAL A.N. GRISHIN-ALMAZOV
(END OF AUGUST – SEPTEMBER 1918)**

The article discusses the conflict in the highest stratum of Siberian political and administrative elite, which ended with major general A. N. Grishin-Almazov resigning from the offices of Minister of War and Commander-in-Chief of the Siberian Army.

Keywords: Siberian Provisional Government, Council of Ministers, incident, conflict, crisis, resignation of office.